

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Совесть как явление внутренней жизни в Ветхом Завете.

Домусчи Стефан Александрович

Аспирант

МДАиС, пастырский, Сергиев Посад, Россия

E-mail: domustchi.stefan@gmail.com

Древнееврейский язык не имел специального слова для обозначения способности человека осознавать свои мысли и действия как должные или недолжные, которую мы сегодня называем совестью. Это означает, что, исследуя Ветхий Завет, можно говорить о совести только как о явлении или феномене. Основными причинами отсутствия совести как понятия в ветхозаветной этике можно считать: · сложность в различении внутреннего голоса совести и голоса закона Божьего; · особенность сознания ветхозаветного человека, которое не было сосредоточено на внутреннем механизме суждений, особенно самооценочных; · скрупулезность ветхозаветного закона, почти не оставляющая пространства для свободного нравственного решения; · отсутствие подробного учения о посмертной участи и особое внимание к благополучию в земной жизни, отсюда большая боязнь внешнего осуждения (стыда, позора), чем внутреннего (угрызений совести). Несмотря на то, что слова, обозначающего явление совести, не было, опыт совестных переживаний, выражаемый иным образом, встречается в Ветхом Завете довольно часто. Ситуации, в которых проявляется совесть, можно условно разделить на три группы: I. Осознание качества поступка, выражаемое невербально, через особенности поведения и речи, характеризующее различными толкователями как проявление совести. II. Осознание качества поступка, выраженное вербально, с употреблением особого слова или словесной конструкции. III. Встречающиеся только в Септуагинте случаи употребления греческого слова *syneidesis*. Обращаясь к **первой** группе примеров, необходимо помнить, что святоотеческая терминология не была в достаточной мере разработана, следствием чего явился тот факт, что экзегеты могли называть одно и то же явление по-разному. Большинство авторов усматривали действие совести, начиная с первых глав книги Бытия. Так, уже бегство Адама от Бога после грехопадения они понимали как действие, совершенное под влиянием совести. Традиционно видят проявление совести в том, что Каин, собираясь убить Авеля, уводит его от людских глаз, хотя убийство еще неизвестно человеку. С другой стороны, многие авторы видели проявление совести в том вечно уязвляющем проклятии, которое наложил Бог на Каина. **Вторая** группа примеров связана с употреблением слова, наиболее подходящего по смыслу к понятию «совесть». По мысли большинства исследователей, функции совести атрибутируются «сердцу» (евр. *leb*). Среди множества условно выделяемых функций сердца (рациональная, чувственная, функция воли) находится также нравственная. В условности выделения можно убедиться, вспомнив прошение Соломона «даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло;» (3 Цар.3:9): здесь рациональное «знание» неотделимо от нравственного различения должного и недолжного. Можно думать, что до принятия «Закона» совестные движения были интуитивными; после принятия интуиция обогатилась знанием конкретных норм. Многие тексты свидетельствуют о том, что закон должен был из внешнего стать внутренним. В то же время нельзя утверждать, что интуитивные

ощущения виновности или невиновности полностью заменяются знанием нормы. Иногда описываются коллизии, которые по определению не могут быть регламентированы законом, в таком случае для указания на внутренне мучение употребляется выражение «боль в сердце» или «вздрогнуло сердце». О сердце можно сказать, что оно «знает зло, которое сделал человек» (3Цар.2:44) или даже что «грех написан железным резцом на скрижали сердца» (Иер.17:1) – то есть оно является свидетелем несовершенства. Кроме того, что сердце судит за грех, можно найти примеры описания сердца, побуждающего к праведности. Оно является основой правдивых слов (Иис. Нав. 14:7-8) и, ощущаемое «как горящий огонь» (Иер.20:9), вынуждает человека следовать долгу. Свт. Иоанн Златоуст, комментируя выражение псалмопевца «...о чем говорите в сердцах своих, (о том) сокрушайтесь на постелях ваших» (Пс. 4:5), утверждает, что сердце должно подвергаться постоянной проверке, т.к. оно не является безошибочным свидетелем. По мысли пророка Исаии, сердце язычника вводит его в заблуждение, позволяя спокойно поклоняться идолу (Ис. 44:20). Целью праведной жизни является чистое сердце, которое не может стать таковым по желанию самого человека (Прит. 20:9), но даруется Богом в ответ на вопрошание (Пс. 50:12). **Третья** группа встречается только в Септуагинте (греческом переводе Ветхого Завета 2-3 вв.) и объединяет всего три случая, когда мы встречаемся с самим словом *syneidesis* или его вариантами. Два примера из трех находятся в канонических книгах, что дает возможность соотнести греческий и еврейский тексты. Первый раз мы встречаемся с греческим словом *synoida* в Книге Иова (27:6): «Ибо не признаю (*synoida*) себя делавшим злое»; однако оно не имеет здесь морального значения. Нравственный контекст данного стиха восстанавливается через древнееврейский оригинал, содержащий слово, которое может переводиться как «внутренний человек», «разум», «воля», «сердце», именно последний вариант зачастую фигурирует в переводах. При обсуждении семантического поля слова «сердце» было показано, что, указывающее на нравственную норму или укоряющее, оно несет тот же смысл, что и слово «совесть». Второй случай находим в книге Екклесиаста (10:20). Здесь подстрочник мог бы выглядеть так: «И в *совести* же своей не кляни царя». Однако в данном случае существительное *syneidenei* так же не имеет морального значения, т.к. в изначальном тексте употреблено слово, переводящееся как «знание», «мысль», т.е. запрещено даже мыслить плохо о царе. Единственным случаем, когда термин *syneidesei* употреблен в строго этическом значении, можно считать стих из книги Премудрости Соломона 17:10: «Ибо осуждаемое собственным свидетельством нечестие боязливо и, преследуемое совестью, всегда придумывает ужасы». Здесь совесть выступает в роли обличителя нечестивого человека. Обычно этот пример приводят для того, чтобы показать постепенную ассимиляцию греческой идеи совести. В то же время выше было приведено большое количество собственно библейских по происхождению примеров, в которых те же функции судьи и обвинителя были атрибутированы сердцу. Таким образом, основываясь на достаточно богатом материале, можно утверждать, что совесть как явление внутренней жизни присутствует в нравственной картине мира ветхозаветного человека с глубокой древности.